

Абстрактные имена в дискурсе школьников как средство отражения представлений о прецедентных именах, связанных с константами русской культуры

© Г. Г. Сергеева, 2003

Интерес современной лингвистики к разносторонним проявлениям феномена языковой личности влечет за собой взаимопроникновение различных отраслей науки и преодоление границ собственно-лингвистических исследований. В частности, вопрос о формировании дискурсивного мышления школьника тесно связан с проблемами лингвокультурологии, так как одной из важнейших составляющих этого процесса является усвоение ключевых концептов национальной культуры, ее констант. Константами русской культуры признаются «концепты, существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 2001:84] и отражающие общенациональные ценности, своего рода «коллективное бессознательное» современного российского общества» [Степанов там же: 8]. По выражению А. А. Леонтьева, «вообще процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира» [Леонтьев 1999: 273]. И поскольку образ этот национально детерминирован, ведущая роль в его формировании принадлежит обращению языковой личности в период становления к национальным прецедентным текстам.

Существуют различные подходы к определению концепта, но каждая из трактовок подразумевает единицу, призванную синтезировать элементы языка и культуры. «Концепт есть ментальная единица, элемент сознания. Именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. <...> В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание же отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей» [Слышкин 2000: 9]. Концепт вмещает в себя культурную информацию, связанную с национальной традицией, верованиями, законами, обычаями и передаваемую из поколения в поколение. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. <...> Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов там же: 43]. Объем присвоенной человеком культуры соотносится с

совокупностью распределенных им культурных предметов. А тот факт, что концепты опредмечиваются в языке, дает основание соотносить их структуру со структурой содержания слова. Как известно, современное языкознание в структуре содержания слова вычленяет *значение* и *смысл*. Под *значением* слова подразумевается прежде всего его словарное толкование. *Смысл* включает ассоциируемые со словом в сознании говорящих представления фактического и оценочного характера (ассоциации и коннотации). Поскольку в структуру концепта входят ассоциации, оценки, термин *концепт* выступает в роли синонима термина *смысл*. Овладение смыслом национальных культурно-ценностных доминант для языковой личности в процессе становления происходит прежде всего через «распредмечивающее понимание» [Богин 1993: 105] национальных прецедентных текстов.

Официально санкционированный государственными социальными институтами корпус национальных прецедентных текстов, в частности текстов русской классической литературы, представлен государственной общеобразовательной программой, усвоение которой является необходимым звеном процесса социализации личности. «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 2002: 216]. Прецедентные тексты, в данном случае хрестоматийные тексты русской классики, выступают как «средства когнитивно - эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой памяти» [Сорокин, Михалева 1993: 104], как единицы хранения культурной информации.

Рассмотрим вопрос о том, какие смыслы стоят за этими прецедентными феноменами в дискурсивном мышлении подростков и какова при этом роль абстрактных имен как знаков ключевых концептов русской культуры, за которыми стоят названные феномены. Материалом исследования послужили данные семантического эксперимента, проведенного в форме теста на свободную интерпретацию с учащимися 10-11 классов московских общеобразовательных школ. Предложенная респондентам анкета включает задания, связанные с вербальной экспликацией представлений, стоящих за прецедентными именами – символами соответствующих прецедентных текстов. Под символом понимается имя персонажа, «служащее не только обозначением художественного образа, но актуализирующее у адресата и все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом» [Караулов 2002: 55]. При восприятии такого имени «актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по

разным своим параметрам – либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны своих эстетических (содержательных или формальных) характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний, либо как источник сходных ситуаций, либо как образец для подражания или антиобразец и т.п.» [Караулов там же: 218-219]. Прецедентные имена в роли символов соответствующих прецедентных текстов выполняют функцию единиц, отражающих категории культуры.

Подход к формулировке вопросов анкеты (например, *Что имеется в виду, если о человеке говорят, что он настоящий Онегин?*) базируется на методических разработках Д. Б. Гудкова, В. В. Красных и ориентирован на выявление инварианта восприятия прецедентного имени определенной социальной и возрастной группой (городские подростки старшего школьного возраста).

подавляющее большинство ответов содержит дифференциальные признаки, эксплицированные посредством прилагательного или причастия: *пассивный, уставший от всего, эгоистичный; равнодушный, бездеятельный, скучающий; разочарованный, красивый; разочарованный в жизни, равнодушный, талантливый, но неспособный применить талант; самовлюбленный, образованный, самолюбивый; благородный, романтический; умный, образованный, противоречивый; загадочный, умный, честный; резко отличающийся от основной группы людей, общества* и т. п.

Часть ответов содержит экспликацию представлений посредством имени. Среди них - номинация лица как носителя определенных качеств: *эгоист; денди; щеголь; франт; герой-любовник; ловец; дон жуан; сердцеед; бабник; отшельник; романтик; мечтатель*; атрибутивные синтагмы с такими именами: *самовлюбленный эгоист; современный, следящий за модой любимчик дам; праздный кутила; богатый бездельник*; лексикализованные сочетания: *баловень судьбы; белая ворона*; экспрессивно-оценочные: *подлец; негодяй; наш человек; просто герой!*

Особый интерес вызывают ответы, представленные абстрактными именами, так как именно эта категория имен наиболее часто связана с ключевыми концептами национальной культуры. В культурном пространстве лингво-культурного сообщества и индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности, принадлежащей к данному сообществу, такие имена играют особую роль. «Все, что есть в языке, - достояние социума и может стать достоянием индивида, если этот индивид – личность, т.е. осознает свою причастность к культуре народа, осознает себя его частью. Абстрактные имена по структуре своей и по статусу своему делают (обеспечивают) эту причастность. Они мост между личностью и обществом» [Чернейко 1997 [11]: 51]. Прежде всего имеются в

виду имени, обозначающие этические понятия. «В именах этических понятий, в отличие от конкретных имен, прототипы – артефакты, хотя их «сырье» принадлежит действительному материальному миру. Это поступки людей, возведенные в ранг добродетели или злодеяния. Получается, что этические понятия вырастают из осмысления межличностных взаимодействий, а действия людей осмысливаются как поступки со знаком «плюс» или «минус», когда есть для этого мера – имена, вмещающие эти понятия» [Чернейко 1997 [12]: 122]. В нашем случае роль такого прототипа выполняет денотат прецедентного имени – соответствующий художественный образ (литературный персонаж).

Результаты эксперимента показывают, что количественный показатель ответов, в которых представления эксплицированы посредством абстрактных имен, стабилен – по каждому из прецедентных имен в списке он составляет 5-6% от общего числа. В чем состоит отличие этих ответов от других? Представления, стоящие за прецедентными именами, выступают в них «как эталонное воплощение абстракций» [Гудков 1999: 108]. Происходит апелляция к эталону, «представляющему собой «крайнюю точку» на шкале оценки, наиболее полно воплощающему то или иное качество» [Гудков 2003: 157]. Можно сказать, что это ответы на иной вопрос, а именно: *Что символизирует данное имя?*

Приведем примеры наиболее показательных в этом отношении ответов: *символ безмолвия (Молчалин); воплощение женственности, лучших душевных качеств (Татьяна); воплощение жадности и расчетливости (Плюшкин); символ авторитарной и тоталитарной власти (Кабаниха); олицетворение естественности, непосредственности, необычайной живости (Наташа Ростова).*

Именно в таких ответах особенно убедительно подтверждается тот факт, что прецедентное имя может являться не только способом указания на соответствующий прецедентный текст, но и символом определенных черт характера (модели поведения). Ассоциативный тезаурус русского языка [АТРЯ 1996] фиксирует такие апперцепции в ассоциативно-вербальной сети носителей языка, выражающиеся в парах стимул – реакция: *лень – Обломов; скупость – Плюшкин; сострадание – Соня Мармеладова; вранье – Хлестакова* и др. Понятия, выраженные абстрактными именами, в ассоциативном поле наполняются экстенционально, путем указания на конкретные денотаты (художественные образы), выполняющие роль эталонного воплощения данного понятия. Прецедентное имя выступает в качестве знака прецедентной ситуации, «оказываясь в теснейшем взаимодействии с соответствующим АИ, как и оно указывая на определенный концепт, являя пример тех лиц, чьи поступки «возведены в ранг добродетели или злодеяния» [Гудков 2003: 180].

По всей вероятности, денотаты именно тех прецедентных имен, которые показали в ответах респондентов более высокий процент использования абстрактных именований, наиболее полно представляют собой определенную модель поведения. Приведем отдельные примеры лексических рядов из материалов проведенного исследования с указанием на процентное содержание ответов данной категории:

Митрофанушка (8%) – лень, глупость; неграмотность, лень; лень, невежество; необразованность, лень, тупость, невежество; глупость, лень, ограниченность.

Плюшкин (8%) – скупость; чрезмерное накопительство, лицемерие; жадность; ненасытность; жестокость (люди мрут как мухи).

Коробочка (8%) – накопительство ненужных вещей; скупость, собирательство; бережливость, принимающие крайние формы; недалекость, хозяйственность.

Катерина (8%) – чистота, доброта, любовь; любовь, нежность, искренность; любовь, доброта; совестливость, благородство, нравственная чистота; правда, совесть, чистая душа; богобоязненность, совестливость, честность; протест против общества, самопожертвование.

Болконский (8%) – ум, гордость, жажда славы и жертвы, некоторый эгоизм; тщеславие, усталость, непонимание смысла жизни; сила воли, самоконтроль, ум; личный эгоизм в сочетании с самоотверженностью; развитое чувство долга; ум, гордость; красота, гордость, великодушие; патриотизм, жажда славы.

Обломов (9%) – лень, мечтательность; бездеятельность, вечное откладывание на потом; лень физическая и духовная; пассивность, отсутствие желания к чему-либо; лень, отрешенность; правдивость; «голубиная» нежность, наивность.

Кутузов (11%) – ответственность, патриотизм; верность родине, чувство долга; старческая мудрость; талант и мудрость; мудрость полководца; патриотизм, смелость; ум, талант, храбрость.

Наполеон (14%) – тщеславие и лицемерие; эгоизм и самовлюбленность; сила, надуманность, маска; безразличие к другим людям; лицемерие, самовлюбленность, жестокость; эгоистические взгляды, мания величия; тщеславие и гордость; тщеславное величие, авантюризм.

Наташа Ростова (15%) – красота, наивность; чистота, нежность, любовь; наивность, доброта; естественность, доброта, жизнерадостность, простота; источник детской радости и веселости; непосредственность, жизнерадостность; детскость; чистота, живость; легкомыслие, веселость, человек чувства; вера в чистую любовь; цельность характера; познание, молодость; становление женщины; счастье семейное.

При всем различии представлений, актуализируемых прецедентным именем, можно отметить, что в каждой группе ответов присутствует доминирующий признак (или признаки), эксплицированный посредством абстрактного имени: *невежество; жадность; накопительство; любовь, совестливость; ум, гордость; лень; мудрость; тщеславие.*

Имя *Наташа Ростова*, инициировавшее наиболее частое использование абстрактных имен, имеет более многокомпонентную структуру, в которой сложнее вычленивать доминанту. Это имя значительно чаще других эксплицировано вербальной единицей *идеал (идеал; идеал женщины; настоящий идеал; идеал Толстого; чудо, а не девушка, просто идеал)*: такие ответы составляют 8% от общего числа. Можно предположить, что именно потенциальная множественность личностных смыслов, стоящих за понятием *идеал*, определяет специфику структуры данного прецедентного имени, а именно более широкий спектр его дифференциальных признаков по сравнению с другими именами. Однако признаки эти близки в смысловом и оценочном отношении.

Таким образом, абстрактные имена в роли составляющих структуры прецедентного имени фактически являются средством вербальной экспликации национально детерминированных инвариантов представлений, стоящих за соответствующими именами. Данные инварианты в минимизированном, редуцированном виде хранятся в когнитивной базе, составляя ядро знаний и представлений, общих для большинства представителей русского лингво-культурного сообщества.

Следует заметить, что вероятность использования абстрактных имен в данной функции существенно снижается, если прецедентное имя вызывает значительные противоречия в оценке своего денотата. Самый низкий показатель из 25 имен в списке выявлен в отношении имени *Чичиков* (3% от общего числа). Получены следующие ответы: *обман, алчность; изобретательность, дар убеждения; предприимчивость, мошенничество.* Анализ структуры данного имени показывает, что подобное соотношение положительной, отрицательной и противоречивой оценки сохраняется среди всех ее составляющих. Под влиянием экстралингвистических факторов имя *Чичиков* вопреки традиционным интерпретациям соответствующего прецедентного текста все реже актуализирует отрицательные коннотации. Материалы исследования позволяют сделать вывод, что причиной этого является изменение статуса понятия *предприимчивость* в ценностной шкале русского лингво-культурного сообщества. *Чичиков* перестал символизировать однозначно отрицательного героя. Школьников более не убеждают даже столь эмоциональные строки: «С гениальной художественной прозорливостью Гоголь показал <...> ту страшную угрозу, которую нес народу мир Чичиковых, мир капиталистического хищничества» [Как написать со-

чинение? Справочник школьника 1997: 159]. *Чичиков*, конечно же, не стал *героем нашего времени* (таков один из ответов), но и на роль анти-образца, эталонного воплощения каких-либо отрицательных качеств, означаемых абстрактными именами, претендует все менее, что и подтверждается данными эксперимента.

При истолковании прецедентных имен, вызывающих отрицательные коннотации, чаще всего школьники использовали следующие абстрактные имена: *жадность, лень, обман, эгоизм, лицемерие*. Положительные характеристики эксплицированы именами: *любовь, ум, чистота, доброта, искренность, благородство*. Таким образом, эти имена занимают одно из центральных мест не только в культурном пространстве сообщества, но и в индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности подросткового возраста. «Ядерное положение в коллективном языковом сознании ЛКС и в коллективном бессознательном этого сообщества» [Гудков 2003: 179] является основой системы взаимосвязей и взаимовлияния между прецедентными и абстрактными именами, выполняющими роль единиц хранения национальной культурной памяти.

Л и т е р а т у р а

- [1] Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1-4. // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.. М., 1994, 1996.
- [2] *Богин Г. И.* Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1997.
- [3] *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- [4] *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- [5] *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2002.
- [6] *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- [7] *Машинский С. О.* Художественный мир Гоголя (о Чичикове) // Как написать сочинение. Справочник школьника. М., 1997.
- [8] *Слышкин Г. Г.* От текста к символу. М., 2002.
- [9] *Сорокин Ю. А., Михалева И. М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
- [10] *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.
- [11] *Чернейко Л. О.* Абстрактное имя и система понятий языковой личности // Язык, сознание, коммуникация. Вып. I. М., 1997.
- [12] *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени М., 1997.